

Девять месяцев спустя мы сидели с матерью у его постели. Мать плакала. Я смотрел на его лицо. Оно было пепельно-серым. И лоб снова в поту. Отец задыхался. Его глаза потускнели, губы дрожали. Он пытался говорить, но слабый голос доносил до нас лишь какие-то отрывочные, бессвязные звуки. Его стал душить кашель, такой сильный, что задрожали гофрированные стены нашей хибары.

— Хочешь воды? — спросила мать, перестав на минуту всхлипывать.

Молчанье.

Он тяжело вздохнул и, заикаясь, снова попытался что-то сказать. Мы ничего не поняли.

Отец был покрыт одеялом до груди, плечи его оставались голыми. Пот покрывал его лицо — как капельки воды на омытых дождем лепестках цветов. Его глаза блуждали по стене нашей хибары. И потом вдруг:

— Т-т...ы п-п-пел?

Снова пауза.

— Да, папа.

Я приготовился рассказать ему, что я пережил тогда, но мать остановила меня.

— Трудно... на ферме... Работа... рабская... Голодали.

Мать заплакала громче. Я в отчаянии кусал ногти. Его глаза продолжали в упор смотреть на стенку, где рядом с его пиджаком висел на гвозде мой костюм.

И я никак не мог отвязаться от мысли, лежит ли пропуск у него в кармане и много ли тараканов скопилось под пиджаком.

— Папа, я принес тогда тебе пропуск, но тебя уже там не было, — сказал я понуро.

Я подвел отца. Не выручил его. Я не сумел его спасти. Сознание своей вины терзало меня подобно кошмару.

Взгляд, который бросил на мое лицо отец, преследует меня до сих пор.

Мать выпроводила меня за водой. Колонка стояла на другом углу квартала. Здесь брали воду все жители близлежащих улиц. Женщины с огромными ведрами вытянулись в длинную цепочку. Наконец подошла и моя очередь.

Когда я вернулся домой, мать стояла у кровати отца, в отчаянии ломая руки.

А с улицы через окно долетел пронзительный голос Абдула, зазывающего покупателей: «Заходи, мама, заходи, папа! Купи костюм — получишь в придачу два». Я уверен, он все еще жевал свою неизменную красную жвачку и сплевывал далеко на улицу.

Отец неподвижно вытянулся на своей кровати. Глаза его остановились. В комнате стояла мертвая тишина. Он больше не кашлял. Губы его не дрожали, рот широко раскрылся.

Меня послали созвать родных.

На похоронах мать все время держала меня за руку. Ее ладонь сжимала мою — но не так сильно... Она то и дело вытирала слезы. Я не чувствовал ничего. Полная опустошенность. Я смотрел на опускающийся в яму гроб и думал: есть ли еще капли холодного пота на лбу отца?

Я был в новом костюме. Он выглядел прекрасно. Мама спросила, куда это я все смотрю, не поднимая головы.

— На мой концертный костюм, — ответил я.

ОНА ВСЕГО ЛИШЬ...

АЛФ ВАННЕНБЕРГ

АЖДЫЙ день в три часа, после того как звучал последний звонок, извещавший об окончании уроков, группа девочек собиралась за воротами школы, чтобы подразнить «мужчину-женщину».

Первой ее увидела белокурая Кэти Лоуренс. Она ехала с матерью в автобусе, и вдруг совершенно неожиданно вокруг раздалась взрывы смеха и ругательства — странная на вид женщина с короткими вьющимися волосами, в помятой черной юбке и желто-коричневом полосатом джемпере начала локтями прокладывать себе дорогу, расталкивая пассажиров. При этом она выкрикивала такие слова, за которые, произнеси их Кэти, мать бы заставила вымыть рот горячей водой с мылом.

Кэти сразу же показалась занимательной эта женщина — чем-то она отличалась от всех остальных людей! Едва усевшись, она начала рыться в своем продавленном картонном чемоданчике, перевернув в нем все вверх дном; потом, по-видимому, нашла, что искала, — закрыла его и заперла. Но прошло лишь несколько мгновений, и она снова раскрыла чемоданчик и снова начала свои неистовые поиски. Все это время она не переставая что-то бурчала себе под нос, а иногда оборачивалась на сидении и выкрикивала бранные слова неизвестному врагу.

Кэти насчитала уже пять таких увлекательных повторений, но мать вдруг дала ей подзатыльник за то, что она слишком уж пристально разглядывает странную женщину.

Из-за этого-то подзатыльника Кэти на следующий день в школе припомнила все, что услышала в автобусе, и рассказала Ровене Бестер, которая в то время была ее лучшей подругой.

В тот же день, когда Кэти вместе с Ровеной шла домой из школы, они снова увидели эту женщину в измятой черной юбке и желто-коричневом полосатом джемпере. Она металась между мчащимися машинами, на самой середине мостовой, забегая то в одну, то в другую сторону. Ровене все это тоже показалось ужасно интересным.

Вскоре девочки обнаружили, что женщину каждый день можно встретить на одном и том же месте. Через неделю к ним присоединились Джанет Смит, Бетти Стюарт, Маурин Харрисон и Сибилла Сварт, и вскоре преследование «сумасшедшей женщины», как они ее называли, превратилось у них в постоянный вид спорта.

Вначале они довольствовались тем, что просто стояли и наблюдали за ее выходками, но вскоре им это наскучило, потому что женщина временами бывала чересчур уж обыкновенной. Тогда

они начали дразнить ее. Они заранее разрабатывали план — что именно будут делать, что будут ей кричать, — и все для того, чтобы насладиться, как винным угаром, потоком ругани, лишним из ее уст, таким длинным, что из него можно было бы связать целую веревочную сумку.

Сибилла первой заметила, что все неистовые выходки женщины объясняются не только ее несносным характером, что дело в чем-то ином, более серьезном, что под женским обликом этого существа таится мужское начало. Иногда ее манеры и поведение были несомненно мужскими, а потом вдруг оказывалось, что, успокоившись, она снова начинала вести себя как женщина. Все это Сибилла скорее почувствовала, чем поняла, но тем не менее ощутила новый прилив брезгливого любопытства и начала называть полосатый джемпер не иначе как «мужчина-женщина». Новая кличка была с готовностью подхвачена другими школьницами.

Как-то несколько дней девочки не видели «мужчину-женщину», но потом обнаружили, что она сменила свой маршрут. И тогда они зыскали с нее все потерянные дни. С тех пор ей уж не удавалось исчезнуть надолго — ее тут же выслеживали.

В последний день учебного года школьный звонок прозвенел в полдень. Веселой стайкой девочки, одетые в синие форменные юбки и белые кофточки, с ранцами, все еще полными надоевших книжек, прошли по запутанным дорожкам школьного сада, заросшего дубами, выбежали из ворот, и улица открылась им как праздник.

И веселые длинные летние каникулы были впереди. Каждая про себя уже представляла, как проведет их. Как будет лежать на песке, загорать, купаться... Так, припрыгивая, распевая и размахивая ранцами, промчались они мимо тюрьмы, завернули за угол, прошли мимо центрального полицейского участка. И вдруг как раз напротив городского суда увидели ее...

Она сидела на краю тротуара, поставив свой чемоданчик между коленями, и ела толстый ломь черного хлеба. Неожиданная встреча нарушила их веселье, песенка смолкла, девочки остановились.

Сибилла стала тихонько подкрадываться к женщине. Остальные следовали за подружкой на некотором расстоянии. Сибилла обошла женщину сзади и остановилась как раз перед ней, остальные встали за спиной Сибиллы.

— А почему ты ешь, как лошадь? — спросила Сибилла.

Женщина продолжала, не поднимая глаз, жевать хлеб.

— Ты лошадь или корова? Мне кажется, ты больше похожа на обезьяну, — не унималась Сибилла.

Девочки залились звонким смехом. Они визжали, передразнивали женщину, двигая челюстями, похлопывали себя по животам.

Женщина вскочила и ринулась за Сибиллой, уронив хлеб на мостовую. Сибилла увильнула от нее и взобралась на забор у суда. Женщина бросилась к Кэти; она бежала вприпрыжку, дико размахивая руками. Кэти завернула за угол и тоже взобралась на забор.

— Эй ты! — кричала она оттуда. — Тебе скажали, что ты похожа на обезьяну. Ну да, ты бегаешь совсем как обезьяна, ты и есть настоящая обезьяна!

Был обеденный перерыв, и сонмы служащих от нечего делать слонялись по улицам. Быстро собралась большая толпа — машинистки, банковские клерки, кассиры. Некоторые задерживались лишь на минуту, а потом шли своим путем. Но многие останавливались и смеялись.

Детям было вдвойне приятно разыгрывать представление перед публикой. Маурин Харрисон кончиком линейки подцепила оброненный женщиной хлеб и начала бегать по кругу, выкрикивая:

— Вот он, вот твой корм, лошадка!

Неожиданно женщина прекратила попытки поймать девочек. Она перестала ругаться, вернулась к своему месту на краю тротуара, уселась и снова поставила свой чемоданчик между коленями.

Толпа медленно двинулась в ее сторону: кто знает, может, представление не кончено и она снова начнет буйствовать? Сзади напирали, и те, кто находился впереди, придвигались все ближе и ближе. И вот вокруг женщины сомкнулось плотное кольцо.

Женщина вытащила из чемоданчика маленькое зеркальце и тюбик губной помады, положила зеркальце на колени и, наклонившись над ним, начала подмазывать губы. Руки у нее дрожали. Толпа мозчала — тяжело, выжидающе. Женщина спрятала помаду и зеркальце обратно в чемоданчик, потом достала лист чистой бумаги и огрызок карандаша.

Девочки, стараясь пробраться поближе, протирались сквозь толпу. Маурин все еще держала кусок хлеба на конце линейки и теперь сунула ее в лицо женщине:

— А ну, лошадка, пожуй овса.

Женщина принялась писать лихорадочно быстро одну и ту же фразу: «Обращаюсь к доктору... Обращаюсь к доктору...». Каждый раз на конце появлялась какая-то неразборчивая закорючка. Она перевернула бумагу и продолжала писать: «Обращаюсь к доктору...». Потом зачеркнула написанное. И снова написала ту же фразу.

— Что это она там пишет? — спросила стенографистка из суда.

— Да все одно и то же. Должно быть, не в своем уме! — ответил банковский клерк в черном чопорном шерстяном пиджаке — он стоял впереди, ближе всех к женщине.

Вдруг кусок хлеба, еле державшийся на конце линейки у Маурин Харрисон, свалился на бумагу, женщина вскочила с диким воплем. Толпа разом расступилась. Женщина бросилась бежать, из груди ее вырвались рыдания, чемоданчик глухо стучался о колени.

На этот раз девочки не бросились ей вдогонку. Довольно. Никогда раньше не получали они столько удовольствия. Они остались на месте и стали обдумывать, как бы еще посмешнее поддразнить «сумасшедшую», когда они вернутся в школу после каникул.

— И не стыдно вам, девочки? — сказал какой-то мужчина.

— Это еще почему? — спросила Маурин.

— Что сказали бы ваши родители, если бы увидели, как вы издеваетесь над этой бедной женщиной?

— Ничего не сказали бы, — ответила спокойно Сибилла. — Подумаешь, она ведь всего лишь цветная.